

Странник придорожных окончаний

В тот давний теплый майский день мы собрались посетить разрушенную деревянную ветряную мельницу. Большинство уже вплотную упаковало собственные рюкзаки., закрыло на ключ чемоданы с разнообразной электроникой и провиантом, приготовило также необходимый запас горючего для мотоциклов. Покосившуюся от времени мельницу оставила нам древняя цивилизация, отличившаяся сочетанием развитых технологий и предельного аскетизма как в жизни, так в мышлении и искусстве. На пыльных дорогах родной стороны мало что произрастало, и редко что можно было встретить, а уж если доводилось увидеть что-нибудь, то все всенепременно встреча это становилось из рук вон выходящим и обескураживающим обстоятельством, оставляющим в полном недоумении до начала следующего дня каждого из тех, кому в этих обстоятельствах довелось поучаствовать.

Случилось так и в этот раз. На краю дороги сидел человек и натирал, практически до блеска, странного вида деревянистые четки ароматной маслянистой жидкостью. Когда мы проезжали мимо, странник, совершенно внезапно для всех нас, выхватил гигантскую рыболовную сеть и ею окутал нас от ушей и до самых пяток, и вновь возвратившись сетью к самой макушке головы. “Стойте”, - сказал странник. - “Вы сами не имеете ни малейшего представления о том, куда вы едете. Вам нельзя в те места, куда вы направляетесь, поскольку имеется там незримый лаз древнейших под охраной защитных стрел выпущенных из сновидений шаманов древности, обитавших там в далёкие времена, когда рассыпающаяся деевянная мельница ваша была отстроена.

Ничто не удержит вас в этих местах, сколь бы сильно не была ваша воля в том, чтобы туда добраться. Лучше уж вам направиться со мной, я всегда направляюсь туда, где нет совершенно никаких мечей или стрел, связывающих мою музыку воли с нотами или мелодиями других людей. Я всегда в пути за горизонт. Он - моя вечная чистая и достойная цель! Единственный смысл горизонта лишь в том что он всегда недостижим, а значит, к нему всегда можно устремляться в своём путешествии. Движимый волей достичь далеких, лежащих за горизонтом прекрасных местностей, замечательных и самых невообразимых из тех, что лежат за горизонтом и доступны нашему глазу, когда мы научимся достигать каждый своего предела, выходить на самый край, я скитаюсь в сии святейшие дали уж не первый десяток лет своей жизни, за который я постиг, что жизнь есть сложнейшие и простейшие шутки

существования одновременно.

Единственный смысл и цель жизни - это движение к цели жизни. Если цель недостижима, неосязаема и недосыгаема, то тогда уж точно ничто не может помешать радоваться жизни хоть эту самую вечность, в течение которой я намерен идти к своей цели, пусть даже ее самооценочность всецело иллюзорна в мире. А почему же нет, да и как может быть иначе, ежели иллюзорен весь окружающий нас мир? В общем, считайте, что я вас всех предупредил здесь, вместе взятых”, - сказал старик и превратился вдруг в сине-фиолевый придорожный камень, пыльную полудрагоценную глыбу чароита, потихоньку везущего булочку в выемке на самой своей верхушке, как бывает иногда выемка на лбу у седовласого мудреца, не иначе как открывая самой своей изменённой формой врата мудрости, ведущие к седьмой степени семи ветров внешней невыразимости, лежащей где-то вовне и здесь повсюду одновременно.

А мы тогда, позабыв о мельнице древних, всем скопом решили отправиться искать горизонт с надеждой, быть может, случайно преодолевая горизонт, добраться от идеи до изначальной цели нашего похода, про которую мы все разом дружно забыли. С нами, тем временем, поравнялась странное существо: черные переливчатые крыльями бабочки, которые, словно бы передразнивая нас, повторяло за нами каждое движение. Тем не менее, достигнуть древней мельницы нам случайно все уже никак не удавалось, да и не знали мы уже к тому времени, что её именно ищем.

Вдруг мы услышали странный шорох. Вместе с шелестом шороха к нам пришло понимание: так могут шелестеть скрежетом только глыбы стальных жерновов, покрытых невероятным слоем лепестков пушистой ржавчины. А пролетевшая мимо нас четырехугольная человекообразная бабочка вполне даже закономерно в сложившихся условиях превратилась в рогатого ведуна, который нас честно предупредил о том, что от мельницы начинается дальнейшее безграничное движение вникуда, где собраны в пучок бьющееся жилы всех истоков и корней.

В наступившую теперь эпоху скрежещущего шелеста здешних мест я вспомнил: когда-то давным-давно в детстве всегда хотелось найти дорогу, которая ведет в настолько забытую даль, что её не переоткрывал еще почти никто из людей, хоть и каждый родом оттуда. Желание это достигало своего апогея, превращаясь в подобие невообразимых фантазий сна, стирающего границы между игрой в действительность и действительностью игры. Каждая мало-мальски длинная улица, по которой приходилось ходить, отличалась от всего близкого той самой

таинственный дороги, ведущей в дальние неизведанные дали, хоть и всегда начиналась точно так же. Сама атмосфера каждого нового пути начинала смутно таинственно подсвечивать чем-то невообразимым, первооткрываемым, таинственным, новым и священным, точно каждая из этих дорог была дорого вникуда - увы - всегда остававшейся недостижимой, как и горизонт, лежащий прямо перед целью путешествия на невероятных тропах неведомого - перед чудесным Нигде, столь реальным, сколь и непостижимым.

Вот только вся проблема заключалась в том, что при любой освещенности и ясности таинственность никакой действительности оказывалась подобна пыли тех дорог, по которым мы топтали в поисках тропинки вникуда, и всё её естество было в достижений тайны, в том, чтобы дотронуться до невообразимого, не потревожив его своим пониманием, оставив невообразимому его бесформенность, ещё не отравленную никакими фальшивыми формами ума, накинутыми поверх бесформенного так, как зритель пытается порой отыскать в синестетических картинах абстракционистов облики зданий и целых городов, лиц людей и морд животных, транспорта, деревьев и насекомых - в общем всего того, что приучен созерцать ежесекундно каждый миг своей жизни, не оставляя ярким всполохам узоров этих картин просто оставаться самими собой.

Так всякий раз рассыпалась тайна и продолжает рассыпаться, стоит лишь эту тайну осознать, стоит лишь к ней прикоснуться. Тайна явленная таковой уже не является и просто перестает быть собой, всякий свет, которому мы приобщаемся, теряет свой блеск лучах внимающего понимания человека. Человеческое понимание человеческого разум - это способ собрать выразить невыразимое и описать неопишное, собрав тысячи взаимосвязанных неразделимостей в охапку разраничений о ограничений, всего лишь возможность очертить определённые границы, вот и всё! Безграничное, что лежит за пределами нашего привычного мира, хвостиком, точно вершиной айсберга, попадает в достижимая поле зрения человека.

На самых дальних из самых неожиданных улиц городов, где впервые доводилось бывать, как оказывалось, также живут люди. В самых неизведанных и, казалось, покинутых сторонах, подернутых синеватой таинственной дымкой, люди тоже побывали и оставили там свой след, преобразив старую природу до неузнаваемости, а следы эти заметны были зачастую даже в большей степени, чем в местах на Земле, хорошо мне известных с лет самых ранних.

Но это ничего. Все никак не желало идти из моей головы то высокое

чувство синеватых далей за окраиной здешних мест, и чудились оттого прелестные вулканические горы, торчащие откуда-то из-за горизонта, дремучий мечтательный тёмный лес с блеском костров на самом краю казался тем самым волшебным лесом доисторических елей и кедров, в котором целыми полками бродит всякая незримая и неисчислимая для человеческого спектра с восприятия сила, для которой мы все - такие же туманные призраки, какими и все они видятся нам.

Единственной вечной возможностью сохранить тайну меняющихся неоконченные или, напротив, совершенных в своем уходе в бесконечность структур, которые целом сами же себя и ограничивали в нашем восприятии своей иллюзорной отдельностью от всего прочего, было обретение целостности значения их самости через целостность самости своей, ведь одно не может здесь следовать без другого. И все они, всенепременно, смотрели бы в сторону всех последующих приближающихся изменений, а, в действительности, не имеющих предела по качеству или по количеству своих всевозможных форм, реализаций и проявлений.

Постоянно поддерживать многообразие вариаций, постоянно изменяться означало все время хотя бы немного принадлежать чувству недопонимания, и именно недопонимание устремления к совершенному знанию без конструкций в выражениях или путях, запечатление в памяти всех этих дел как событие не понимания, но ощущения выше осознания, непременно, становится источником жизненного движения за горизонт. Без него абсолютно никому из нас невозможно было бы обнаружить хотя бы что-то новое, ни одно из придорожных окончаний на путях, которых в нас нет. Мы бы находили только придорожные окончания существующих и привычных направлений - никогда действительно новых среди них.

Напротив же, частичное недопонимание порождало зуд знаний, зуд исследователя, хотя бы целях самосохранения, не говоря уж о более точной, высокой и, в целом, верной цели самосовершенствования. И все это являло путь, по которому следовало бы идти, чтобы непременно и непрестанно для себя и для других открывать нечто новое, а точнее - просто пошире раскрывать глаза, видеть что-то старое в новом свете обличья среди всего, что постоянно расположено у нас прямо перед глазами.

Понимание придорожных окончаний всегда живо для нас теперь, жибо было и раньше. Только ребенком, безумцем или магом можно выразить, но нельзя точно сказать, что именно встретиться в конце этой улицы, ведущей вникуда, ведь у каждого она своя до тех пор, пока ещё

вообще существует “самость” пределов человека. Но притом никто и не исключает возможности пройти по улице вместе, да только каждый будет идти из своей улицы, ничем не отличающийся от копии улицы другого человека, принадлежащей полю его реальности и находящейся где-то пределах общечеловеческих.

Ребенок не может выразить все эти чувства если силу того что еще не знает степень их необычности. Безумец - оттого, что ему не до окончания улиц, которых он не видит или посещает случайно, отправляясь в другие области знаний и уразумений. Даже если ему удастся выйти за пределы придорожных окончаний, это для него будет лишь миг, лишь прохождение сквозь одну из случайных целей, выбранных из миллиардов углов обзора, каждый из которых ему доступен, но ни один не приоритете. Маг не пожелает выразить особенности всех улиц, имеющих абстрактные придорожные окончания, потому что знает, что человек не может только одно - не мочь быть в любой из форм. И тогда занимательная и замечательная эта улица становится просто самой собой, и тогда она уже не похожа на улицу.

Прочие же, принимая во внимание множество всех тех мелочей, которые большинство в силу собственного тяжеловесного нежелания или простого незнания, не рассматриваются как достижение внимания, да и, вероятнее всего, вообще никак не рассматриваются, обращают внимание на вещи куда более обыденные, общественно обусловленные и как бы даже полезные, но только до тех пор, пока не пройдены границы эфира, где заканчивается горизонт и начинается его изнанка. И тогда становится понятно, что изнанка - и есть настоящее обличье, тогда как на изнанке этого обличья, на его стороне игр и снов живём все мы на деле.

Но однажды, как мы все верили, мы все вместе соберемся на мельнице древнейших той движущей силой забытых цивилизаций, оставшихся только как результат своих коллективных действий в прошлом, словно бы прорастивших семена вовнутрь привычного понимания реальности. Мельница - лишь давно уже не функциональная единица, древнейший артефакт, имевший при жизни её создателей совершенно другое значение в той же скорости мира под таким направлением, под сенью которого проживали древнейшие и выглядели в сферы жизни под своим, только им самим известным ракурсом. Эхо скрипа ее проржавевших сквозь время жерновов было точно бы испещрено вне любых измерений многогранного мир потоками непознанного, точно жернова глубоко запустили свои корни в

первозданный мир идей, слившись с истоками самих себя. А нам было неизвестно изначальное предназначение их - мельница только лишь казалась таковой, истинные её масштабы и смыслы были сокрыты от нас в силу нашей общей дурной привычки к обыденности.

Куда не бросишь взор, чувствуется влияние со стороны на продольных полопавшихся лопастях мельницы, словно бы неведомая нам ранее сила захватывала возможность визуализироваться через шуршащую мелодию крика рычащих жерновов древнейших. То же самое происходило и во взглядах многих из моих собеседников-путешественников. Пути, что нас связывали, были протянуты от каждого и каждому, и невообразимо стало давление кругов восприятий на стыке между каждым из нас, покуда не превзойдя границы друг друга, мы не сомкнулись бы в единое поле, подобное раздуваемому под внутренним давлением наполняющемуся соками бутону распускающегося цветка.

Пересечение всех наших кругов связанных идей многогранности породило ощущение направленности и поистине космической скорости невообразимого полета туда, где всяческое описание или ограничение уже и не имели ни малейшего смысла, ибо не было ничего доступного пониманию разумом обыденности в достигнутом нами придорожном окончании той самой тропы, которая у всякого своя, и которая постоянно и всенепременно идет вникуда долгую вечность краткого мига. А что еще тогда являет цель как не эту грань?

*Белоусов Роман,
17 июня 2012 года.*